

Иосиф Райхельгауз в «Театре современной пьесы» поставил спектакль, название которого звучит почти панически: «Спасти камер-юнкера Пушкина».

А почему надо спасать? Где причины той повальной антипушкинской потехи, которая за два века уже стала привычной?

Причина, я думаю, в нашей психологии: когда русский человек получает что-то для всеобщего преклонения, он тут же отвечает на это самозабвенным отрицанием. Хоть бы и для потехи!

В случае Пушкина материала для потехи предостаточно. Начиная с самохарактеристики: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын». И кончая тем, что не пожалел он, ради Балды угробил священника в «Сказке о Попе...».

Михаил Хейфец, чья пьеса легла в основу нынешнего спектакля, включает фигуру великого поэта в современную жизненную кутерьму. Цитирует (с купюрами) матерные вариации на мотивы «Евгения Онегина» (я их даже с купюрами цитировать не хочу). Я хочу осознать более актуальные обстоятельства. Среди них, например, «квартира без родителей», в нашу коммунальную эпоху позволяющая получать лирическую усладу, не прячась в спасительной тени ближайших зарослей. Пушкин помогает! И далеко не только в эротике. Помогает, например, современному служивому съедать за завтраком причитающиеся тому два кусочка сахара и не зариться на соседские. И тут не без Пушкина!

Но бог с ней, с потехой. В свое время на меня подействовали такие моменты пушкинской судьбы, которые не имели (для меня во всяком случае) здравого испол-

кования. Например, настроение участников гибельного поединка на Черной Речке.

Хотел ли Дантес убить поэта? Не хотел! По доводам современных исследователей, он целился в ногу, но случайно попал в пах, чем и обрек Пушкина.

Хотел ли поэт убить противника? Хотел! И даже крикнул: «Браво!», когда тот рухнул после его выстрела. Пуля попала в предплечье, рана оказалась неопасной, Дантес дожил до почетной старости.

Что же получается? Пушкин был готов стать убийцей и не стал. Случайно. Дантес не хотел быть убийцей и стал. Тоже случайно.

Да как эти вывороты случайностей совместить с бессмертной славой стихотворца? Не только меня мучил этот бытийно-важный вопрос. Дети и внуки дуэлянтов не могли свести концы. Один из потомков Дантеса разыскал одну из наследниц Пушкина и попросил у нее прощения... И только тут душа моя готова найти примирение...

Современный спектакль ищет ответа на вопрос, где источник беды, которая вела к гибели наших великих поэтов (тут рядом с Пушкиным — Лермонтов).

Главный довод спектакля: падает наш интерес к гениальным стихотворцам. Стремься продемонстрировать «падение спроса», актеры в финале обращаются к зрителям: просят поднять руки тех, у кого есть при себе тексты Пушкина. Нет таких?!

И тут две или три руки поднимаются с текстами! Есть!

А в душе моей оживает мысль:

— Несмотря ни на что, наше всё — с нами!